

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
КОМИССИЯ ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ
ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

А.И. НЕКЛЕССА

**МЕХАНИКА ГЛОБАЛЬНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ**

МОСКВА

2003

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.5.

А.И. Неклесса. Механика глобальной трансформации / Научный Совет РАН «История мировой культуры». М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003

Personalia

Александр Иванович Неклесса. Заместитель директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН (ИНЭС). Заведующий Лабораторией геоэкономического анализа и проблем социального развития ИАФРАН. Руководитель межотраслевого центра «Геоэкономика». Член экспертного Совета по внешней политике при Комитете по международным делам Государственной Думы ФС РФ и экспертного Совета по проблемам инновационной политики и развития человеческого потенциала при Совете Федерации ФС РФ. Эксперт Центра стратегических исследований Приволжского Федерального Округа.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА», работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим в Службе стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, советником агентства «СОКРАТ».

Автор более 200 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Около 25 лет проработал в системе Российской Академии наук. Член Бюро Научного совета РАН «История мировой культуры», председатель комиссии по социокультурным проблемам глобализации. Действительный член Философско-Экономического Ученого Собрания МГУ им. М.В. Ломоносова.

Основные направления исследований: 23.00.04 – политические проблемы международных отношений и тенденции глобального развития; геоэкономика; стратегический анализ и планирование; философия истории.

Электронный адрес: neklessa@mail.ru

Выпускающий редактор *Е.В. Владимирова*

Технический редактор *Т.И. Рудакова*

Компьютерная верстка *Н.Н. Никольский*

Компьютерный набор *С.И. Иванова*

Публикуется в рамках исследовательского проекта
«Постсовременная цивилизация»

© 2003, А.И. Неклесса

МЕХНИКА ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ГЕНЕЗИС И ПРОГНОЗ

Специфика времени, которое мы переживаем, – глобальная трансформация многих казавшихся незыблемыми начал и основ современного общества. Объемный, нелинейный образ возникающего *постсовременного* мира явно выходит за рамки привычных рационалистических и, подчас, стереотипизированных и редуцированных категорий, заставляя вновь задумываться о «больших смыслах» бытия, о «великих замыслах» исторического процесса.

То, что происходит сейчас в мире, – это существенное изменение привычной траектории человеческой деятельности, смена прежнего языка политического и экономического анализа, трансформация устоявшейся социальной семантики и синтактики. А проще говоря, имеет место кризис мирового управления. И мы наблюдаем своеобразный момент истины – то, как данный процесс выходит на поверхность.

В этих уникальных исторических условиях нам оказываются гораздо более внятными, порой чуть ли не очевидными, внутренние механизмы и побудительные мотивы глобальной трансформации. На наших глазах формируются новоиспеченные правила игры на планете, воплощаются модифицированные способы проекции силы, а новый миропорядок из сферы интеллектуальных штудий становится властной политической реальностью.

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Две основные тенденции наших дней – *глобализация* и *индивидуация*. С одной стороны, на планете происходит «глобализация корпораций», финансовое объединение мира, информационное единение мира, прорисовывается возможность властной проекции силы в любую точку мира. А с другой, не менее бурно, но возможно менее отчетливо, протекает иной процесс – развитие индивидуации, суверенизации личности, вольной в своих действиях, свободной от национальных и прочих внешних по отношению к ней сил и границ, однако наделенной при этом впечатляющим инструментарием, отражающим, практически, весь спектр могущества цивилизации. Предоставляя тем самым, в числе прочих, также возможность смертельно поразить транснационального Голиафа.

Но возможно ли человеку или свободно самоорганизующимся группам людей действовать в этом мире в качестве созерцающего, суверенного индивида, не вступая в безнадежный конфликт с прежними системами и способами проекции власти? В современном обществе мы наблюдаем сейчас обостренную коллизию между двумя типами ментальности – культурой, стремящейся удержать прежний порядок вещей, пусть и в серьезно трансформированных формах, и новым миром со своими органичными аксиомами и закономерностями, столь отличными от прежних и привычных для нас законов социального бытия.

По ряду причин, о которых речь пойдет чуть ниже, универсальная гомогенизация (модернизация) мира в рамках современной культуры запоздала и не вполне состоялась. В результате нынешнее форсированное, подчас силовое продвижение *«локомотива Модернити»* совпало по времени с новой диверсификацией мира, уже в русле иной социальной парадигмы. Сейчас в действующей механике мира, наряду с процессом частичной деактуализации политического пространства национальных государств и формированием некоей наднациональной глобальной конструкции, интенсивно и деятельно развивается также другой фундаментальный процесс.

Личность становится все менее и менее связана с привычными формами ее социализации. Она выступает как транснациональный индивид, как группа индивидов, как значимый субъект, – и мультикультурные корпорации были, возможно, всего лишь «фазой динозавров, становящихся птицами», переходной эпохой в этой головокружительной гонке все более гибких и все более организованных сущностей, перехватывающих эстафетную палочку бытия. Например, – столь привычные международные неправительственные организации (НПО). Но НПО необычайно широкое, поистине необъятное и до конца не формализуемое понятие. «Аль-Каида» – это тоже своего рода НПО. Это также некая организационная площадка, дающая возможность личностям, интересы которых полностью или частично совпадают, действовать в синергичном единстве и проводить поражающие воображение акции по трансформации мира¹.

О чем собственно идет речь? XX век, по сути дела, – время системного кризиса прежних институтов политики и экономики и, одновременно, это арена грандиозной социально-культурной трансформации, которая не исчерпывается процессами уплощения, упрощения, или, как это нередко формулируется, «торжества интересов над ценностями». Совсем нет. Возможно, мы присутствуем при зарождении новой цивилизации, причем цивилизации не только в том широком и отчасти двусмысленном значении, которое привнесли в ее определение Данилевский, Шпенглер и – в той или иной степени – Тойнби (то есть как некоего своеобразного, оригинального культурно-исторического типа), а цивилизации в более строгом значении данной категории. В том значении этой категории, которое предложил в свое время маркиз Мирабо, кристаллизовав его в триаде *дикость - варварство - цивилизация*.

Однако поскольку в логических последовательностях, равно как и в социальных процессах, вряд ли уместна тавтология, то естественным образом, при разговоре о «цивилизации после цивилизации» возникает недоумение. Речь, таким образом, идет о некоем, в значительной мере еще непознанном «четвертом состоянии общества», трансцендирующем всю прежнюю триаду. Удивительным образом возникает некоторая, –

хотя возможно и излишне поверхностная, – аналогия с четвертым состоянием физического вещества (твердое, жидкое, газообразное и – плазменное). Вокруг нас действительно образуется социальный космос, отчасти напоминающий свойства этого динамичного состояния, его хаотичный статус, столь близкий специфике новой социальной среды – устойчиво совмещающей в себе черты цивилизации, варварства и архаики. Происходит смешение в едином социальном калейдоскопе образа мычащих стад на фоне рушащегося Капитолия, караванов верблюдов, начиненных «Стингерами», глинобитных хижин, ощерившихся спутниковыми антеннами, и орд новых кочевников в пыльных одеждах, но с ноутбуками в руках и автоматами Калашникова за спиной.

Данное синкретичное качество мира лишь начинает представать перед нами в своей грандиозной полноте, но и это – всего лишь первые прогоны, бета-версии и практика будущего драматичного действия, однако рациональный ум человека XX века способен уже сейчас создавать из разрозненных фрагментов постисторического *puzzle* 'а некий значимый для себя образ.

Когда Арнольд Тойнби в свое время пытался определить границу начала нового, постсовременного мира, он вначале пометил ее мировой войной (которая на тот момент еще не была Первой), но затем сдвинул планку к 70-м годам теперь уже позапрошлого века. Что же происходило в те бурные десятилетия зарождения нового мира? К данному историческому рубежу индустриальная мощь цивилизации, *правильно угаданные свойства мира*, промышленность, экономика выплеснулись за национальные границы. Был создан экономический универсум, который трансцендировал прежнее мироустройство и естественным образом возникла тема нового миропорядка. Тойнби, комментируя происходившие тогда на планете изменения, писал о них вполне в современной стилистике: «...индустриальная система стала резко наращивать свою активность, так что размах ее деятельности обрел глобальный характер»².

В XX веке на планете действительно произошли фундаментальные изменения. Приобретшие в последнее его десятилетие популярность формулы *глобализации, конца истории, столкновения цивилизаций* говорят о том, что ситуация достигла некоего качественного рубежа. История достаточно последовательно и логично развивалась на протяжении 300-400 лет в русле культуры Нового времени, – шел процесс становления национальных государств, формирования капиталистической экономики, колонизации и интернационализации окружающего мира, глобального распространения кодов секуляризации и эмансипации, гомогенизации мира...

Культура Модернити к тому времени уже сформировала собственную структуру общества, столь отличную от социальных схем общества традиционного, сословного. Предшествующая феодальная культура поддерживала статичную, сословную структуру, культура же Модернити предложила другую модель – открытую, эгалитарную, гораздо более динамичную и демократичную. Это была своего рода «культурная глобализация», в том смысле, что культура Нового времени, представляющая собой динамичную, секулярную ипостась христианской культуры, в той или иной форме охватывала всю планету, практически все заселенные человеком территории.

¹ Подробнее см.: *А.И. Неклесса. Первая война XXI века // Экономические стратегии. 2001, №5-6.*

² *А.Дж. Тойнби. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – С.19.*

Но одновременно на пике данного грандиозного процесса в XX веке, в североатлантической ойкумене, возник контур масштабного, системного кризиса, основанного на некотором историческом парадоксе. Промышленная деятельность и соответствующие экономические конструкции, выйдя за пределы национального государства, трансцендировали свое естество, по-новому расставив политические и социальные акценты. В результате, ближе к концу столетия, мир сотрясла глобальная социокультурная революция, перевернувшая основы прежней модели жизнеустройства.

РАСТРАЧЕННЫЙ ДАР

Вудро Вильсон, американский президент-провидец, опустивший занавес над драмой Первой мировой войны, следующим образом провозглашал содержание наступающей эпохи: *«Нынешний век... является веком, отвергающим стандарты национального эгоизма, ранее правившего сообществами наций, и требует, чтобы они дали дорогу новому порядку вещей...»*³.

Однако возникавший на планете организм, выстраиваемая глобальная система перераспределения ресурсов и мирового дохода, не вполне соответствовали заявленной интернациональной и альтруистической перспективе. В этой связи я бы обратил внимание на определенный семантический сдвиг, произошедший в XX веке в обозначении западной Ойкумены и восточного Варваристана. До определенного момента никакого «Юга» не было, была социокультурная горизонтальная ось Запад-Восток, заданная христианской цивилизацией как вектор евангелизации, культуртреггерства, колонизации, модернизации. Происходила колонизация планеты, во многом понимаемая как вовлечение населяющих ее народов в орбиту культуры Модернити. Конечно, как и во всяком человеческом предприятии при осуществлении данного процесса было много тяжелого и дурного. Но в определенной точке логика процесса оказалась заметно нарушенной. В качестве стратегического вектора было избрано решение, продиктованное иной логикой развития, — в пользу гетерогенной, «расколотой» структуры мира. Каким же образом это произошло?

Пик индустриальной экономической культуры (в ее гармоничном единстве с социокультурной траекторией) достиг апогея где-то к двадцатым годам прошлого века. Развитие производительных сил к этому времени произвело две впечатляющие революции, взаимосвязь которых оказалась, однако, не вполне понятой и, соответственно, не лучшим образом политически истолкованной. Это были – (а) процесс транснационализации мировой экономики и (б) новое качество (мощь) производства.

Действительно, к этому моменту в североатлантической ойкумене был достигнут небывало высокий уровень развития производительных сил, что в корне меняло ситуацию с материальными предметами потребления, с вещами, — они стали дешевыми и широкодоступными, а их количество — практически неограниченным. Такое положение дел возникло на основе выразительного технологического скачка — каскада фундаментальных открытий, сделанных на рубеже веков (электричество, двигатель внутреннего сгорания, новые материалы, системы коммуникаций и связи), и создания конвейерного производства.

³ Цит. по: Г. Киссенджер. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – С.40.

Подобное изменение экономической ситуации в свою очередь потребовало нового прочтения социального текста, ибо экономическая и социальная ипостаси общества оказались в значительной мере рассогласованы, находились в весьма противоречивых взаимоотношениях. Структура общества оказалась неприспособленной к обрушившемуся на нее изобилию, и это богатство стало избыточным, породив вместо благоденствия (в том-то и состоял парадокс) жесточайший кризис – кризис перепроизводства, а также сопутствующую ему массовую безработицу, – человек-производитель оказался лишним.

В то же время большая часть населения планеты продолжала пребывать в ситуации жестокой нужды, погасить которую экономика с технической точки зрения была уже в состоянии, но этому, повторю, препятствовала существовавшая социальная структура. Возникшее противоречие можно было разрешить несколькими принципиально различными способами. Логика истории требовала как бы «опрокинуть» увеличившийся материальный избыток, «изобилие творческого дара» на окружающий, в том числе и колонизированный европейскими державами мир, и тогда совокупное человечество могло бы со временем перейти в некое новое качество *глобального постиндустриального мира*.

Если бы это произошло, — мир стал бы более универсальным и гомогенным, безопасным и индивидуализированным (сетевым). Мне это, отчасти, напоминает дилемму гражданской войны в США, – кому принадлежит мир, и равны ли в своем достоинстве люди планеты? (Продолжив эту шаткую аналогию, представим на минуту существование в современном универсуме двух суверенных версий Расколотых Соединенных Штатов: рабовладельческого или даже африканизированного к этому времени Юга и постиндустриального Севера.) Кроме того, повышение уровня безопасности в условиях плодотворного и очевидного для всех сторон развития, перерастающего национальные рамки и сопровождающегося стремительным техническим прогрессом, развития, декларированного и воплощаемого как общая цель единого человечества, подрывало бы позиции «деструктивных организованностей» – и, в частности, военно-промышленного комплекса планеты, всей индустрии высокотехнологических войн как двигателя прогресса. Но, как мы знаем, история пошла совсем другим – «клановым» – путем, и подобные рассуждения сейчас воспринимаются как безнадежная утопия.

Стратегическое решение серьезнейшей проблемы, вставшей перед цивилизацией, было найдено на путях специфического расширения платежеспособного спроса, прежде всего со стороны населения соответствующих индустриальных стран. Был сделан выбор в пользу модели *a la* рузвельтовский «Новый курс» (причем, выбор универсальный, который в той или иной форме сделали все развитые страны), т.е. решение проблем, возникших на волне индустриализации, производилось путем построения общества изобилия в «одной, отдельно взятой стране». Однако население этих стран – в рамках доминантной социокультурной, протестантской, модели потребления, столь характерной для культуры Модернити, – не могло поглотить всю образовавшуюся массу материальных благ. Но тогда же в обществе стали активно развиваться и утверждаться в качестве новой нормы гедонистические стереотипы форсированного искусственного и престижного потребления, в результате чего, в конце концов, возник новый социокультурный стандарт: было создано *массовое общество потребления*.

Параллельно были разработаны и введены в действие целые технологические направления фактической деструкции материальных ценностей, скажем, при помощи такого невинного, но изощренного механизма, как форсированная «мода», следствием чего явилось сверхбыстрое моральное устаревание продукции, сопровождающееся ничтожными технологическими или чисто маркетинговыми изменениями. Одновременно не-выпуск продукции стал особой экономической операцией. В результате всех этих и ряда других мер, проблема платежеспособного спроса была по-своему решена, т.е. платежеспособный потребитель был создан преимущественно на национальной площадке, и уровень жизни населения поднялся, но — за счет нарастания разрыва развитых стран со всем остальным миром.

Еще одной характерной чертой XX века стало развитие индустрии высокотехнологичной деструкции (войн) и сопутствующего ей инструментария. К тому же неизбежное в условиях «расколотого мира» возрастание значения фактора безопасности, его универсализация, требовали все более широких материальных затрат в данной сфере. Так что, в конечном счете, всех вышеперечисленных мер вполне хватило, чтобы компенсировать открывшийся было для человечества «рог изобилия».

Однако наиболее серьезной проблемой, — с которой мировая экономика по большому счету не справилась и по сей день, — оказалось, пожалуй, нарушение оснований и всей предшествующей логики экономического роста. На протяжении длительного исторического срока христианская цивилизация развивалась за счет инновационного фактора, — т.е. за счет того, что создавала совершенно новые инструменты и поля деятельности. В этом было ее принципиальное отличие от цивилизации дохристианской, ибо до этого времени мир избегал феномена расширенного воспроизводства, предпочитая ему экономический, экологический и демографический баланс. Баланс вообще был определяющим принципом традиционного мира, а для мира христианской культуры определяющей категорией стал не *баланс*, а *развитие*.

В целом же развитие форсированного, искусственного, престижного потребления, сопутствующей ей «охранительной психологии» у части населения планеты и связанной с этими факторами определенной деморализации общества, а также формирование индустрии высокотехнологической деструкции и, наконец, замедление инновационного процесса в гражданской сфере (по крайней мере, его фундаментальной составляющей) — все это вместе взятое заложило предпосылки для возникновения на планете «новой сословности», разделившей мир «золотого» и «голодного» миллиардов. Что в свою очередь — наряду с растущим дефицитом перспективных пространств для плодотворного размещения капитала — обусловило актуализацию к XXI веку императива геоэкономической *оптимизации* — глобальной *безопасности* — активной *мобилизации*, т.е. деятельной трансформации в заданном направлении социальной, политической и экономической структуры мира и самого стиля жизни.

Изменившемуся контексту потребовалась новая формула его фиксации. И «горизонтальная» киплинговско-сталинская, культурно-политическая формула *Запад-Восток* сменилась социальной и экономистичной вертикалью *Север-Юг*. (Под определенным углом зрения и деколонизацию можно прочесть, в том числе, и как отказ от цивилизационной ответственности.) Подобная неравновесная формула глобального

сообщества оказалась, однако, чревата нарастанием широкого спектра напряженностей и угроз.

КОНКУРЕНЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЙ

Глобальная геоэкономическая конструкция, выстраиваемая на протяжении XX века, не может устойчиво существовать вне собственной системы властной регуляции. На протяжении столетия тяга к новому миропорядку принимала самые разнообразные формы. Так, данная тенденция отчетливо проявляется, к примеру, в становлении коммунистического проекта, в манифесте III Интернационала прямо провозглашалось: «...национальное государство, дав мощный импульс капиталистическому развитию, стало слишком тесным для развития производительных сил. ...Перед нами, коммунистами, стоит задача облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире»⁴. Проект нового миропорядка прорастал в XX веке также в дизайне Лиги наций, и в конструкциях Организации Объединенных Наций, – но подробнее об этом чуть ниже.

Хотелось бы, однако, подчеркнуть присутствие в мирозидательных энергиях эпохи идей мирового гражданского общества, контура альтернативной глобализации, которая не исчерпывается ее прочтением антиглобалистами и самим движением за альтернативную глобализацию. И, конечно же, обозначить ту очевидно актуальную версию мирового порядка, которая связана с трансформацией Соединенных Штатов в глобальную «имперскую» структуру. Вудро Вильсон в свое время видел в подобных интенциях основную историческую миссию своей страны, когда провозглашал: «Мы создали эту нацию, чтобы сделать людей свободными, и мы, с точки зрения концепции и целей, не ограничиваемся Америкой, и теперь мы сделаем людей свободными. А если мы этого не сделаем, то слава Америки улетучится, а вся ее мощь испарится»⁵.

Прочтение подобных кодов власти, однако же, не вполне укладывается в политическую семантику эпохи Модернити, речь все-таки идет не о мире, которым управляет такое национальное государство, как США. В «новом американском веке» (как охарактеризовал наступившее столетие 42-ой американский президент У. Клинтон) Соединенные Штаты уже не являются национальным государством в том смысле, как это понятие было сформулировано в рамках и категориях вестфальской системы. Америка обретает особый статус (с его последующей прямой ли, косвенной легитимизацией), становясь своеобразной страной-системой, чьи рубежи – не административно-политические границы национальной территории, а зона жизненных интересов, которая имеет выраженную тенденцию к глобальному охвату.

Процесс трансформации в квази-имперские состояния, в новые политические интегрии – явление, характерное не только для Соединенных Штатов. Подобные мутации в различающихся между собой формах (порой существенно) происходят в различных уголках мира. Квази-государство «Шенген», по сути дела, тоже страна-система, Призрак возрожденного халифата все чаще реет над планетой, равно как и Большого Китая, вбирающего в себя Гонконг, Макао, Тайвань и связанного тысячами нитей с ди-

⁴ Цит. по: 50/50. Опыт словаря нового мышления. – М.: Прогресс, 1989. – С.83.

⁵ Цит. по: Г. Киссенджер. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – С.39.

аспорой *хуа-цзяо* – все это также специфические модификации феномена страны-системы. Наконец Россия, лежащая во всклокоченном и неприбранном постсоветском пространстве СНГ – то ли реликт, то ли рудимент, то ли зародыш некоего имперского организма, имеющего целеполагание, которое все же никак не укладывается в конструкции «национального государства»⁶.

Итак, версии нового мирового порядка прочитываются сегодня по-разному, находятся в состоянии явной или тайной конкуренции, и события, связанные с иракской войной 2003 г., стали своего рода моментом истины для США, для той версии мирового порядка, которую они предложили миру и воплощают в реальность.

Очевидно, что ситуация, сложившаяся на сегодняшний день на планете, достаточно непростая. Что же видится альтернативой различным версиям мирового порядка? Одна из возможностей (наряду более-менее с оптимистичным концептом глобального сетевого общества) – это мировой беспорядок, мировая анархия, ее часто называют «новым средневековьем», но, по-видимому, это связано с несовершенным, неполным прочтением кодов средневековья, временем, когда прорастали могучие семена христианской цивилизации. Мне же – это грозящее миру состояние повсеместного разброда и упадка – скорее напоминает ситуацию, связанную с неoarхаичным его статусом, с вероятностью возрождения древних энергий, отрицавших саму идею цивилизации, с образом трансграничного архипелага мирового андеграунда. И загнанной когда-то в глубокое подполье, но проснувшейся и выглядывающей из него – иногда в самых неожиданных местах и обличьях – «цивилизацией смерти». Мировой терроризм – лишь один из ликов этой квазичивилизации.

Та ситуация, которая разворачивается на планете, требует высокого чувства ответственности, и различные системы миростроительства проявляют это чувство, прочитывая его, правда, каждый раз по-своему. Что же касается Соединенных Штатов, то недавно я столкнулся с определением, которое врезалось в память, – «*бегемот с совестью*». США – государство христианской цивилизации, которое декларирует демократическую систему ценностей. И наша основная претензия Америке – лицемерие при применении данной системы, чреватое внутренней мутацией могучего организма.

В современной политике возникает ряд «парадигмальных» вопросов, которые, однако, носят совсем не риторический характер. Каким путем следует идти человечеству в условиях обозначившегося распада прежнего миропорядка? Что на сегодняшний день мир может предложить в качестве реальной и практической альтернативы бюрократическим дебатам о допустимости или недопустимости применения силы против суверенных и легитимных образований прежнего миропорядка или невнятных организованностей нового мира? Существует ли другой источник силы, кроме США, который может эффективно осуществлять систему глобальной регуляции в условиях трансмутации мира, в условиях деградации прежних социальных организмов и бурного прорастания новых?

В том числе организмов, базирующихся на суверенном индивиде, на гибких, нелинейных сочетаниях конъюнктурных и фундаментальных интересов групп различ-

⁶ Подробнее см.: *А.И. Неклесса. Картография Нового мира // Экономические стратегии. 2001, №1.*

ных конфигураций и пропорций, на феномене раскола национальных элит и формирования на этой основе амбициозных корпораций и астероидных групп, ранжируемых по единому, универсальному критерию – степени их реального влияния на происходящие на Земле события. Новых частных организованностей, которые преследуют не только финансовые и не только экономические интересы, но также цели политического и социального творчества, преадаптации к новым условиям существования и имеющие при этом в виду новые мировоззренческие, религиозные и иные горизонты, попутно буквально разрывая на части и активно трансформируя «прежний, дряблый мир».

Возможно, реальная проблема заключается все-таки не столько в гегемонизме Америки, а в том, что Соединенные Штаты с задачей по установлению нового мирового порядка в намеченных ими на сегодняшний день категориях превентивных действий, в конце концов, не справятся. Мир будет взорван, и мы окажемся в турбулентной среде, постепенно переходя к тому самому «четвертому состоянию общества», к постцивилизационным параметрам бытия.

В последние годы проблема глобальной трансформации активно обсуждалась, но обычно под углом формирования поствестфальской системы – противостояния национальных государств некоторой возникающей глобальной структуре. При этом сама структура толковалась достаточно различным образом: то как регулирующий правила поведения на планете международный ареопаг, то как мировое правительство, либо как транснациональная олигархическая власть, действующая на основе разветвленной системы ТНК и ТНБ, или как-то иначе. И сейчас, кажется, наиболее актуальной оказывается именно тема конкуренции между собой этих различных версий глобализации, разных моделей глобальной топологии и схем мирового управления.

В анналах XX века, о чем уже упоминалось выше, контур выстраиваемой общемировой, глобальной системы управления и контроля до некоторого момента прорисовывался в основном в контексте сменявших друг друга поколений «мировых регулирующих органов»: от экспериментального дизайна Лиги Наций до вполне универсалистской ООН во главе с элитарным Советом Безопасности, обладавшим уникальным статусом, дающим право на легитимное использование силы.

На протяжении столетия были зафиксированы также другие футуристические порывы к новому мировому порядку: их диапазон – от идеи и практики перманентной коммунистической революции, реализовавшей себя, в конце концов, в аморфном организме «мировой социалистической системы» до не слишком внятных, но достаточно мрачных планов установления на планете нацистского *Ordnung*'а.

К концу века, однако, все более зримыми становились зачатки устойчивой системы мировой олигархии, как объединения транснациональной элиты и бюрократии, специфической «давосской культуры». Причем не последнюю роль в данном процессе играли такие, к примеру, международные институты «штабной экономики», как Всемирная торговая организация (ВТО) или Международный валютный фонд и Всемирный Банк, которые с какого-то момента стали в достаточной степени самостоятельными, автономными образованиями, отойдя от прежних замыслов относительно их судьбы и от самой системы ООН (хотя пуповина и по сей день окончательно и не перерезана). В итоге, в истории последнего десятилетия основными коллективными политическими акторами на мировой арене оказались, прежде всего, институт «Большой семер-

ки» и Организация североатлантического договора (НАТО) – клубы доминирующих субъектов мирового управления.

Однако с приходом в начале нового, XXI века к власти в США команды Дж. Буша-младшего возобладало несколько иное видение исторических перспектив и другое практическое целеполагание. Или, может быть, правильнее будет сказать, что определенная заинтересованность в смене модели глобализации привела к власти администрацию президента Буша.

СТРАНА-ИМПЕРИЯ

Модель глобализации, которую предложила республиканская администрация, создает властную, военно-политическую, силовую прокладку для действующих систем транснационального финансово-правового регулирования, национальной транспарентности в рамках «вашингтонского консенсуса», т.е. для той глобальной системы перераспределения ресурсов и мирового дохода, которая складывалась на предыдущем этапе. Иначе говоря, ранее был выстроен скорее образ и рабочая модель глобальной регуляции, нежели реально функционирующая политико-силовая структура глобальных пропорций. Администрация же США создает сейчас под формирующееся геоэкономическое мироустройство свою версию его властного обеспечения.

Ведь когда мы говорим о политической системе – мы, по сути дела, ведем речь о формах, методах и механизмах проекции власти. Власть базируется на силе, но эффективно действующих транснациональных институтов и механизмов для глобальной проекции силы пока не существует. Эту роль и взяли на себя Соединенные Штаты Америки. Отсюда возникает упоминавшаяся выше тема «глобальной империи», образ «Четвертого Рима», или страны-системы, проецирующей свои «жизненные интересы» практически на весь мир. То есть Соединенные Штаты, действительно, уже не являются национальным государством, а представляют собой некоторый новый социально-политический феномен.

Но более фундаментальный характер носит все же другая проблема или иной аспект глобализации. Он заключается в том, что основной исторический конфликт лежит сейчас, пожалуй, не в плоскости конкуренции между моделями глобализации администрации Клинтона и команды Буша, и не между образами глобального мира по-американски или по-европейски, но между той политикой и стратегией, которые оперируют более-менее привычными, хорошо отрефлексированными социополитическими реалиями современности, и какой-то иной метрикой глобализации, действующей по ту сторону постмодернизационного барьера, связанной с новыми организованностями (разнообразными НПО, амбициозными корпорациями, астероидными группами, теневыми консорциумами и т.п.). То есть в мире интенсивно развиваются социальные организмы, которые грозят окончательно разрушить прежнюю систему политической авторегуляции, генетически связанную с эпохой Модернити.

Сложившаяся ситуация достаточно беспощадна по отношению к самим Соединенным Штатам. Америка по разным причинам взяла на себя в настоящий момент бремя глобальной политической и экономической ответственности и регуляции. Но при этом, оказавшись перед необходимостью активно утверждать свой новый статус, она

близка к состоянию фрустрации, ибо столкнулась с субъектами, для взаимодействия с которыми у нее, в сущности, нет ни соответствующих развитых институтов, ни отлаженных механизмов. США обладают впечатляющей силой, но при первой же серьезной неудаче, при значимом срыве их усилий начнется существенная реконфигурация международной системы, сопровождаемая мутацией самого американского общества.

В мире, таким образом, под флером широко обсуждаемых и переживаемых сейчас драматичных событий одновременно развернулась другая, не слишком явная и не вполне внятная борьба за статус глобального субъекта, ведущаяся к тому же по новым, совсем не очевидным и до конца не познанным даже самими ее участниками правилам «большой игры»⁷.

Возникшее положение вещей требует более глубокого прочтения, нежели то, которое демонстрирует нынешняя администрация США. Ключевой вопрос, стоящий перед Америкой, формулируется примерно следующим образом: по какому пути двигаться стране – преадаптации к новой, еще только складывающейся реальности, либо развитию все более могучих механизмов превентивных действий по снятию множатся проблем и угроз нового мира? Естественно, реальная политика старается уйти от однозначного ответа на этот и подобные вопросы, представляя собой некую прагматичную амальгаму, более-менее соответствующую историческому (а чаще политическому) моменту. К тому же, часть неприятных вопросов, излишне усложняющих общую картину, по бюрократическим и иным причинам нередко откладывается «в долгий ящик» (как, например, произошло с некоторыми аспектами военно-стратегического развития Китая).

И все же почему администрация Буша действует именно таким образом и в тех формах, как она действует? Для этого есть свои веские основания. Дело в том, что наряду с кризисом глобального управления, кризисом, вызванным изменением системы миропорядка, формированием новой, нестационарной системы мировых связей и международных отношений, имеет место еще и другая коллизия – экономическая, которая в своей основе вызвана серьезной мутацией кодов индустриального развития. И в числе других значимых факторов, лежащих в основе данного нестроения, – как это ни парадоксально прозвучит – упомянутой выше приостановкой, прерыванием органичного для предшествующей эпохи фундаментального инновационного процесса: то есть интенсивного, скачкообразного создания новых предметных полей деятельности, оригинальных областей для приложения капитала, обновления реестра актуальных ресурсов и т.п.

Экономика эпохи Модернити в значительной мере строилась на такой постоянной смене предметных полей, на их усложнении и развитии, поэтому в орбиту хозяйственной практики вовлекались все новые и новые виды ресурсов, менялись их иерархия и значение. Когда же данный процесс приостанавливается, возникает, в частности, ресурсный кризис. Новые, специфические ресурсы не опознаются как таковые, оказываются в значительной мере не востребованными и не включаются в текущий хозяйственный оборот, что со временем практически неизбежно ведет к перерасходу прежнего, стандартного набора ресурсов и их критическому дефициту.

⁷ См. *А.И. Неклесса. Управляемый хаос. Движение к нестандартной системе международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2002, №9.*

Предложенная в 90-е годы форма решения данного клубка проблем – цифровая «новая экономика» – после пережитого бума и периода эйфории оказалась, в сущности, паллиативной мерой и свою основную роль не выполнила. С подобными непростыми процессами в значительной степени связано предчувствие масштабного кризиса глобальной финансовой системы, прежде всего, рынка ценных бумаг, но также и валютного рынка. (Потери в капитализации предприятиями США достигли за последнее время трех триллионов долларов, а учетная ставка Федеральной резервной системы в настоящий момент опущена до минимума – 1,25%, который заметно ниже уровня инфляции.) Иначе говоря, обозначился горизонт «большого финансового взрыва», могущего привести к формированию совершенно иной, весьма драматичной социальной вселенной по ту сторону экономического *Big Bang*'а.

США как глобальный геоэкономический регулятор оказались, таким образом, в достаточно непростой ситуации, которая к тому же осложняется двусмысленным положением, в которое попала «традиционная» экономика в период бума экономики цифровой. Планка оказалась для нее лишком высокой, корпорациям подчас приходилось лукавить, чтобы удержать размеры своей капитализации, и в краткосрочной перспективе серьезно повлиять на создавшуюся к настоящему моменту в американской промышленности ситуацию может не слишком широкий спектр мер, не последнее место в котором занимает существенное снижение цен на энергоносители.

В среднесрочной же и долгосрочной перспективе данного направления, в мире *volens nolens* возникает проблема глобального дефицита ресурсов (прежде всего энергоресурсов, но также пресной воды и т.п.), новых форм конфликтов на этой почве, с какого-то момента отчаянной борьбы за ресурсы, «ресурсного шантажа» и «ресурсного апартеида». Глобальная энергетическая стратегия США предусматривает целый ряд серьезных подвижек в данной сфере, ведущих, прежде всего, к устойчивому контролю над рынком энергоносителей, включая транспарентность и управляемость ОПЕК, ее фактический раскол, а также создание альтернативных конфигураций стран-экспортеров нефти.

Так что администрация Буша, выполняя сложные манипуляции по отстраиванию динамичной системы нового миропорядка, выбирает в этот непростой момент конкретные действия, соответствующие решению наиболее насущных структурных проблем, учитывая при этом, естественно, интересы наиболее близких к администрации кругов. Конечно же, наряду с исполнением основной задачи – удержанием и утверждением своего особого статуса («статусной капитализацией») глобального регулирующего субъекта, взимающего с мира своеобразную «ренту управления».

Ведь другой «палочкой-выручалочкой» для американской промышленности в условиях грозящего ей кризиса и застоя является создание искусственных предметных полей деятельности, которые создаются не только такими очевидными механизмами как финансово-информационные пузыри, управление потребительским обществом и модой, но также методами «деструктивной экономики» (производство средств уничтожения, процесс уничтожения и последующее восстановление уничтоженного), сформировавшейся в процессе высокотехнологичных войн XX века. Отсюда – повышение оборонных расходов, приведение в действие колоссальной военной машины и борьба за послевоенные подряды, контракты и другие открывающиеся возможности.

Что опять-таки одновременно помогает решать проблему выстраивания трансграничной системы силовых модулей – опорных пунктов с не слишком определенным международно-правовым статусом и с присутствием боеспособных частей, находящихся в перманентно алертном состоянии (отрабатывающих новые концепты обеспечения господства и безопасности, ведения боевых действий, применения экспериментальных военных технологий и различных типов оружия и т.п.). А также других властных комбинаций и конфигураций для управления новым динамичным миром – и, в частности, таким турбулентным регионом, как Большой Ближний Восток, протянувшийся от Косова до Афганистана.

В современной транзитной логике военно-политического действия обладание новым качеством могущества предполагает его активное проецирование (создание прецедентов с их последующей легитимизацией), обратная ситуация чревата дезориентацией и даже утратой, обесмысливанием силы. В свою очередь дальнейшая дестабилизация окружающего мира легитимизирует применение силы и введение все более жестких форм мирового управления.

Русский Журнал / Политика /
www.russ.ru/politics/20030409-nekl.html

Дата публикации: 9 апреля 2003

Анатомия аномии

По материалам семинара "РЖ-сценарии"

Тема прошедшего заседания (от 26.02.03): *Россия как расколотое общество. Каков общественный носитель национальных интересов и каковы его антагонисты?*

А.И. Неклесса. Свой взгляд на заявленную проблему я попробую выразить через введение нескольких ключевых понятий. Первое – *«статусная декапитализация России»*. Второе – *«путинщина»*. Третье – *«люмпен-элита»*. И четвертое – *«люди воздуха»*.

1. СТАТУСНАЯ ДЕКАПИТАЛИЗАЦИЯ РОССИИ

Внутри международной системы Россия сейчас переходит из одной страты в другую, и процесс этот носит инволюционный характер. В ипостаси СССР, Россия принадлежала к «технологическому сообществу», то есть была близка к тому, что принято называть постиндустриальным состоянием. В настоящий момент она переходит в другой типологический класс, в котором состоят такие государства, как, скажем, Индия или Бразилия, но вряд в нем зафиксировается и удержится. Потому что реально вырисовывающийся международный статус России, на котором «сердце успокоится» (после решения в той или иной форме ядерного вопроса), – это, по-видимому, статус не Нового Востока, а, скорее, сырьевых государств Юга.

Данная негативная статусная динамика достаточно явно проявилась за последние 2-3 года. Началась же она, пожалуй, в отчетливом виде, с фразы известного американского политолога о том, что *«нам пора начать думать о мире без России»*. Тогда же была произнесена также другая фраза, о том, что *«существование России есть не данность, а проблема»*. И сейчас, кстати говоря, симптоматически меняется отношение к представителям России в мировом бизнесе и в международных организациях, на официальном и неофициальном уровне. Изменилось оно даже на уровне деталей номенкла-

турной игры, в которой может быть великое множество мелких индикаторов – от положения на протокольной фотографии до расселения в определенной категории отелей и т.д.

В чем еще проявляется эта статусная декапитализация России? В динамике ее социальной феноменологии, актуальной социальной феноменологии. Сегодняшняя Россия представляет объект плодотворного анализа скорее для специалистов-востоковедов, нежели для специалистов по евроатлантическому сообществу. Реалии постиндустриализма в стране сменились и дополнились чертами неофеодализма, а затем и восточной клановости. И не только. Нас, к примеру, все более разительно сближает, скажем, с такой ипостасью стран Юга, как африканский континент сама конфигурация российского пространства, где также существует четкое разделение на совершенно особое пространство столицы и «все остальное».

Налицо и другая специфическая черта российской социальной стратификации. В.Л. Цымбурский в свое время ввел в оборот понятие «Остров Россия», но я бы сказал, что у нас сейчас появляются – *«летучие острова России»*, которые, вроде бы населены россиянами, которые, однако же, психологически тяготеют к совершенно иному, транснациональному пространству элит. Востоковедам (равно как и историкам) хорошо известен этот феномен. Обитатели Новой Лапутании все заметнее отъединяются от основного социального организма, приобретая черты, если и не совсем чужеродные, то своеобразной «химерической» культуры. Я употребляю это понятие без всякого одиозного привкуса, просто для того, чтобы обозначить им некое «кентаврическое» свойство, бросающуюся в глаза эклектичность российской элиты и ее специфическую автономность от национального тела страны.

Все это сопровождается мимикрией политической структуры, характерной для евроатлантического общества, только, например, вместо разделения властей имеет место борьба кланов, а соответствующие политические институты в условиях отсутствия гражданского общества являются какими-то совершенно другими организациями – наиболее яркий, хотя и частный пример чему, – нынешний Совет Федерации и его состав.

2. ПУТИНЩИНА

То есть, *достойная ширма* происходящей инволюции России. Нынешнее состояние страны характеризуется как «стабилизация», хотя о двусмысленности этой стабилизации я уже частично выразил свое мнение. Данный миф базируется, конечно, на контрасте с крайностями предыдущего режима, с последствиями дефолта и на чрезвычайно благоприятной, но и чрезвычайно конъюнктурной ситуации с ценами на нефть.

О персоналиях и об их контрасте я говорить не буду. Что же касается дефолта, то он столь резко понизил все позиции, что относительно провала август-сентября 98-го года любая динамика есть вектор развития. Когда вы вылезаете из ямы, то темпы вашего движения вверх весьма высоки, только не надо их приплюсовывать затем к движению этого же тела по улице. Читая один из последних докладов одной почтенной организации, посвященный анализу *нынешней* ситуации, я наткнулся на формулировку о том, что *«с 1999 г. ВВП России рос в среднем на 5,5% в год, что выше среднемировых*

показателей». Какое отношение, скажите, темпы экономического роста в 1999-2000 годах имеют к ситуации 2002 и тем более 2003 года? Лишь то, что прикрывают понятием «стабилизация» такую категорию как «стагнация», которая, фактически, вышла на поверхность в прошлом году, правда, еще не совсем в явном виде, будучи смягчена, однако уже не фактором дефолта, а ростом цен на энергоносители в преддверии иракской войны. Если же снять эти два достаточно конъюнктурных для реального развития реальной экономики фактора и попытаться нарисовать реальную кривую экономической траектории России, то мы увидим даже не стагнацию, а инволюцию...

Разумеется, все государства переживают, время от времени, трудные времена и непростые коллизии. Вообще-то, социальные организмы очень крепки, порой они выдерживают поразительно драматичные события и выходят из казавшихся катастрофическими обстоятельств обновленными, – но всему есть определенный предел. Срок, в течение которого организованность еще сохраняет внутреннюю основу, смысл существования, мобилизуя актуальные и скрытые резервы, о которых порой и сама не догадывается, а затем либо регенерирует себя, либо рассыпается. Причем порой в одночасье. Пребывание Горбачева у власти, его действия на посту лидера государства оказались, по сути, прикрытием какой-то непрочитанной драмы национального организма. Та страна рассыпалась. Сейчас же порою слышишь, что, несмотря на массу вроде бы очевидных различий, странным образом есть и нечто общее у данного исторического прецедента и судьбой находящихся ныне у власти фигур.

Доминирующий цвет современного российского сюжета, конечно, серый. Серый цвет очень интересен. Фигура серого цвета, будучи помещенной на черный фон, выглядит белой, но если мы переместим ее на светлый фон, то увидим черной. Можно по пунктам перечислять все "заслуги путинского правления", но достаточно лишь включить иной регистр восприятия, чтобы они предстали своего рода "мрачными страницами режима". Такова специфика «путинщины» как торжества серого цвета. Ее "позитив" существует лишь на фоне катастрофизма второй серии ельцинского периода.

В чем, на мой взгляд, сейчас центральная опасность и центральная проблема России? Это утрата смысла, глубокий концептуальный кризис, растрата пространства стратегической коммуникации. Что, кстати, вполне практическим образом проявилось в сюжете с программой реформ и траекторией ее реализации...

Говорить же о том, что в стране произошла "деидеологизация", не совсем верно. В России *распространяется* идеология. Однако, опять-таки, весьма странная... В свое время мир пережил трансформацию великих религий в великие идеологии. Теперь идеологии, в свою очередь, превращаются, мутируют в нечто иное, для чего у нас нет еще подходящей категориальной лексики. Наверное, в нашем случае то, к чему движутся, редуцируются идеологии, точнее всего обозначить как "прагматизм" (а на житейском уровне – универсальный цинизм, причем, претендующий на собственное философское обобщение в категориях «реализма», так сказать *realpolitik*). Решающим признаком здесь служит – *очень короткий горизонт планирования*.

Серый цвет символизирует смешение и уплощение спектра. Общество переживает серьезную мутацию, проникаясь эманациями упрощения и уплощения смыслов. Речь, в конечном счете, идет об утрате Россией того самого постиндустриального статуса, но уже на социальном уровне. Так, имитация социальной, политической деятель-

ности, гражданского общества (к примеру, квазипартийное строительство) вытесняет еще сохраняющиеся рудименты самой этой деятельности. Со времен Эмиля Дюркгейма всему этому «многообразию» есть вполне конкретное определение: аномизация общества. Для социального организма аномизация есть аналог самоубийства. Элементы подобной самоубийственной тактики национального организма мы можем проследить на различных уровнях. "Тактики" – потому что самоубийство очень редко перерастает в стратегию. Скорее оно дает о себе знать через ее отсутствие, через большую пустоту, образовавшуюся на месте некоторого социального организма.

3. ЛЮМПЕН-ЭЛИТА

Затронутая тема прямо подводит нас к разговору о люмпен-элите. И уплощение идеологии, и упрощение стратегической коммуникации напрямую связаны с тем, что реальный горизонт планирования сейчас сжался до одного-двух, в редких, отдельных случаях максимум до трех лет. Вроде бы логичнее было предположить преобладание четырехлетнего горизонта, более соответствующего электоральному циклу, но, прикасаясь с реальными группами, реально существующими и эффективно действующими в России организациями, я вижу, что заказ на стратегический анализ проблемы выше двухлетней планки мало кого *реально* интересует. О чем все это свидетельствует? О том, что в России так и не сложился организм *национальной корпорации*. Национальной корпорации как организованного консенсуса элит, который существует в других странах, разрабатывая и координируя национальную стратегию, выступая в качестве единой, хотя, подчас, и весь диверсифицированной корпорации, артикулируя свою волю через систему «клубов» и властно транслируя ее через правительство, а также СМИ и так далее, формируя определенные принципы жизнеустройства и целеполагания для всего общественного организма.

Я говорю о российской "люмпен-элите" не для того, чтобы в нашем разговоре прозвучал уничижительный обертон, а просто для маркировки ее реального статуса. Прежде всего, непрофессионализма и деклассированности. После того, как в России произошла дикая приватизация, осуществленная по клановому принципу, к власти пришла некая генерация, которую мы называем "элитой", только потому, что она получила доступ к ресурсам и власти. И распоряжается ими, подменив, подмяв под себя иную структурность высшего класса, имеющую в качестве стержня либо сословную традицию, либо «духовную/идеологическую аристократию», генерирующую и формирующую вокруг себя профессиональные страты, собирающую их «сливки»... История формирования национальных элит это и есть летопись генезиса национальных корпораций: будь то на основе радикального конфликта во Франции, или совершенно прагматичного консенсуса в Великобритании. Американскую элиту и американскую мечту создавали также не ковбои и бандиты «ревущих двадцатых», а вирджинская аристократия, но все это уводит нас в сторону от сегодняшней темы.

Ситуация, сформировавшаяся в России, привела к нескольким важным следствиям. Во-первых, смена правящего слоя произошла в момент системного кризиса предшествующей квазиэлиты, и новые правители России получили в этом смысле весьма скудное наследство. Во-вторых, для них по ряду причин оказалось весьма затруднительным выполнение своих основных социальных функций. В третьих, люмпен-

элиты не сумела преодолеть распад и без того достаточно зыбкой «национальной корпорации». В четвертых, она сформировала весьма своеобразный элитный ландшафт, картографирование которого приводит к любопытным результатам. Дело в том, что клановый принцип разделения власти и собственности в стране постепенно вошел в противоречие с экономическими интересами составных частей самих властных группировок. Скажем, Абрамович оказался в одной колоде с Дерипаской. Но что происходит внутри клана, когда возникает «чисто экономический» вопрос - повышать или понижать цены на энергоносители? В рамках сформировавшихся образований возникают трещины, и происходит этот процесс в различных кланах и по различным, причем множась поводам. Просто столкнулись две геометрии: Евклида и Лобачевского. Степень же нашего удивления перед возникающими время от времени на поверхности явлениями, как сказал тот же Лобачевский, есть не что иное, как мера нашего невежества.

4. ЛЮДИ ВОЗДУХА

В мире происходят изменения. Меняется не только система мирового управления, меняется также состав правящего класса. Место традиционной буржуазии, «третьего сословия» постепенно занимает новый класс, враждебный прежнему порядку вещей. Речь идет об утверждении на планете в качестве сильного игрока нового класса транснациональной элиты, генетически связанного с феноменом «людей воздуха» – интеллектуалов, интеллигенции, т.е. людьми, управляющими смыслами и целеполаганием общества, образами его будущего, кодами поведения и т.п. Людей, которые по своему, иначе, нежели предшествующая элита «третьего сословия», прочитали понятия свободы, транснациональности, универсализма и культуры.

В XX веке, шаг за шагом занимая все более важные, стратегические высоты, данная субкультура постепенно становится доминантной. Процесс с особой интенсивностью прочерчивает вторую половину прошлого века, а стратегический рубеж этой социально-культурной и политико-экономической трансформации проходит где-то на стыке между шестидесятыми и семидесятыми годами прошлого века. Именно тогда на политическую сцену и выходят "люди воздуха", или, говоря более привычным языком, "четвертое сословие", тесно связанное с интеллектуальным производством, сложной, нелинейной коммуникацией, управлением смыслами и цифрами, со всем тем, что получило название постиндустриальной культуры.

Наиболее впечатляющей оказалась ипостась "финансовых дьяволов", действующих поверх голов владельцев собственности. В результате традиционное "третье сословие" оказывается опущенным даже не на один, а на два уровня: над владельцем находится управленец, а управленец, в свою очередь, лежит под финансовым оператором. Но речь идет не только о финансовых или финансово-правовых технологиях – это мощные рычаги и первый завоеванный плацдарм, но пружины процесса находятся все-таки в другом месте. Речь идет, во-первых, о более широкой тенденции превращении операций со смыслом в основной источник мирового дохода и, во-вторых, о трансформации самой системы управления миром. В ходе данного процесса те, кто в России фигурирует как "интеллигенция", а на Западе маркируется как "интеллектуалы", словом,

люди непосредственно связанные с интеллектуальным, постиндустриальным производством, в их самых различных ипостасях приходят к реальной власти.

Последнее замечание может, впрочем, вызвать недоумение – какое же это отношение имеет к России? Тем не менее, в России постиндустриальный класс складывался примерно в те же сроки, что и во всем мире. Но складывался он весьма уродливым образом, поскольку сама интеллектуальная деятельность в России-СССР находилась в неестественном состоянии. Она была как бы рассечена на две части – на естественнонаучную и социогуманитарную. Естественнонаучная в свою очередь была привязана к ВПК и тем самым заметно деформирована, а социогуманитарная – прямо стерилизована и резко понижена в своем статусе и возможностях. Парадокс ситуации заключался в том, что все это происходило в мире, где шел прямо противоположный процесс. Примерно с 70-х годов мы наблюдаем стремительный рост, взлет социогуманитарной проблематики, интеллектуальной деятельности, формирование разнообразных технологий в данной сфере, а ее представители активно продвигаются во власть.

Надо сказать, что в России, при всех издержках роста и воспитания, постиндустриальный класс пусть и в уродливо-извращенном виде также в ходе перестройки приблизился к власти и в какой-то момент даже ощутил ее тяжесть в своих руках. В этом не остается сомнений, если посмотреть, кого именно вынесла наверх перестройка, кто именно оказался рядом с пультом управления в 91-м году. Однако, прикоснувшись к власти, российский постиндустриальный «новый класс» просто не знал, что с ней делать и с легкостью необыкновенной отдал ее первому же, кто крепко ухватился за державный рычаг. Дальнейшая история российского постиндустриального класса еще только пишется...

Дата публикации: 2 апреля 2003

Амбициозные корпорации

1.

Корпорации реализуют себя в рамках определенного уклада, который, являясь контекстом их деятельности, во многом определяет, "матрицирует" поле возможностей и формы активности. В XX столетии, в результате стремительного развития производительных сил - достигнутого на волне инноватики, научно-технической революции - существенно изменилось соотношение между производством и маркетингом, ибо основной "головной болью" экономики стало не производство, а платежеспособный спрос. При этом процесс ценообразования постепенно уходил от жесткой связи с себестоимостью продукта, ориентируясь, скорее, на возможности и желание потребителя, что в свою очередь потребовало перманентного обновления форм подачи продукта, совмещения его потребительских свойств с меняющейся модой, долгосрочной ценовой политики, формируя, наряду с "престижным потреблением" все более широкий кластер "искусственных потребностей".

В скобках, кроме того, я бы отметил развитие различных деструктивных технологий - в частности, появление феномена высокотехнологичных войн и локальных конфликтов, - а также общее *торможение* научно-технического процесса к концу века, установившийся приоритет оптимизационной инноватики и широкое обсуждение соответствующих социальных решений. В свою очередь все это предопределило усилия корпораций по *преадаптации* - поиску новых ниш деятельности, новых предметных полей, что позволяло на какое-то время запускать квазимонопольный характер ценообразования, но, главное, очерчивало в сознании потребителей определенный сегмент актуальной реальности, тесно связывая его с тем или иным "брендом". Типичная в этой области ситуация стала в конце концов определяться соотношением: "продается товар, покупается - бренд".

Приблизительно на рубеже 70-х годов мир - его наиболее динамичная часть - уверенно вошел в постиндустриальную эру. Постепенно в рамках прежнего контекста сформировалась новая концепция деятельности, связанная с определенным уровнем информационно-коммуникационных возможностей, то есть с существенным изменением социально-экономической "среды обитания". Все это оказало заметное влияние на организацию корпоративной деятельности, ее формы, на технологии управления и развития.

Во-первых, в новой среде стремительно развивались стратегии гибкого, полисемантического управления рынком. Во-вторых, возросло значение капитализации, которая, конечно же, связана с текущей доходностью предприятия, однако в новых условиях все более значимую роль стала играть "корпоративная аура" - позиционирование корпорации на рынке (желательно на глобальном рынке) и в обществе в целом. А также перспективы ее развития (то есть не реальное, а ожидаемое состояние), влияние, другие нематериальные факторы и активы и т.п. Данное, быть может, не вполне очевидное в своем принципиальном различии расщепление можно образно сравнить с соотношением мутационного фактора и механизмов естественного отбора в процессе эволюции. Первый создает качественные прорывы, второй - обеспечивает планомерное освоение открывающихся ниш.

На данной основе со временем начал складываться особый тип корпоративной культуры, тесно связанный с постиндустриальным укладом бытия и сетевой культурой в целом, который я называю феноменом "амбициозной корпорации". Подобная корпорация в центр своей активности ставит некую нематериальную модель, серьезно понятую миссию, идею специфического типа развития. Если угодно - собственное прочтение реальности бытия.

По этой шкале, по своему соответствию данной интегрированной нише меряются прочие виды корпоративной активности. Вокруг подобного смыслового центра выстраиваются различные конфигурации, ассоциации, группы, решение же ряда конкретных рабочих схем передается сопредельному организационному рою на условиях аутсорсинга. В целом действия подобного агломерата тяготеют к совмещению интенсивной поисковой, "проектной" активности с системностью экстенсивных, пакетных действий в избранном в тот или иной момент направлении. Амбициозная корпорация применяет при этом особые, "матричные" технологии, организующие, топологизирующие среду, создающие желательные для стратегических целей и текущей деятельности корпорации коллизии и ситуации.

Ориентация амбициозной корпорации на максимально гибкие организационные схемы хорошо защищает ее даже в случае весьма серьезных потрясений. Она вполне способна пожертвовать частью ради сохранения целого (тем более что пути достижения желаемой цели формируются по сценарному принципу). Кроме того, подобный тип организационной культуры позволяет оперативно реализовывать групповые действия в широком масштабе, одновременно решать комплексные и различные задачи, выстраивать системно-модульные схемы.

Все это, впрочем, делалось и раньше, но масштаб и оперативность действия были совершенно иные. Глобальный, кумулятивный эффект в нашем случае достигается за счет освоения современных технических и технологических механизмов. Иначе говоря, полномасштабная реализация подобного феномена оказалась возможной лишь на основе постиндустриального уклада. Но, пожалуй, главное отличие амбициозной корпорации - расширение пределов собственной компетенции, синтетический подход к человеческой деятельности, совмещение экономических, политических, культурных задач "в одном флаконе", что позволяет решать каждую из них в отдельности гораздо эффективнее за счет достигаемого синергетического эффекта.

В сущности, речь идет уже не о хозяйственной деятельности, а о развитии новой системы управления, о решениях, касающихся стратегий развития человечества, о властных импульсах, формирующих сам контекст принятия подобных решений. В своих различных модификациях это скорее социо-гуманитарные, а не экономические образования, объединяющие представителей самых разных направлений человеческой активности, представителей элиты, действующих подчас вне привычных структур власти и во вполне транснациональных сочетаниях. Здесь, кстати, само понятие "корпорация" приобретает прежний, основательно подзабытый смысловой оттенок.

2.

Цивилизация есть определенная *форма* существования культур, чаще всего ассоциируемая с достижением урбанистической стадии развития. Культура, образно говоря, представляет личность исторического индивида, цивилизация же соответствует его фазам развития, "возрастам", но не всем, а преимущественно тем, которые ассоциируются с достижением и удержанием зрелости. Культуры, как и личности, - уникальны, представляя некие мировоззренческие *коды*, специфика которых сохраняется сквозь столетия, усложняясь или, случается, уплощаясь. Стадии их роста - "детство", "юность", "зрелость" - универсальны, хотя не все исторические организмы проходят по всем ступеням, порой сходя с дистанции до времени. На эмпирическом уровне, со времен гибели великих империй древности нам известны и некоторые непростые состояния культур - их "постцивилизационные" состояния.

В новой социальной среде радикально меняется сложившийся ранее тип цивилизации. Городская культура расплывается, превращаясь в эклектичный коллаж интернационального мегаполиса. Множится феноменология деурбанизации: элитные загородные поселения, внутригородские автономные замки и кварталы, по-своему напоминающие о потускневших декорациях *global village*; уродливые фавелы и бидонвилли, образующие планетарный архипелаг квазидеревень - трущобы Глубокого Юга. Уже сам выбор термина *global village* на семантическом уровне фиксировал ощущение конца цивилизации, по крайней мере в ее прежнем понимании (ср.: *civil*): *валидизация* существует вне символической городской черты - это иное прочтение исторического текста. Возможно, - заря постцивилизации (или, пожалуй, квазичивилизации), но, быть может, и склоненная в свой черед глава земного града перед скрытым наследником, анонимным до поры персонажем истории.

Город-фабрика, город-предприятие, умирая, переживает родовые схватки. Словно гусеница, становящаяся бабочкой, он преобразуется в летучий остров Новой Лапутании - динамичную неокорпорацию, эффективно объединяющую рассеянных по миру сотрудников, и соединенную с прежней географией земных пространств системой своеобразных терминалов - глобальной сетью былых метрополисов (этих *hub*'ов нового сетевого общества). Космополитичные модули нового мира связывают миллионы активно действующих людей уже не общей территорией проживания, но контрактом, рабочим пространством, средствами телекоммуникации, самой гипергеометрией организации. Новый мир создает собственный глобальный проект - дизайн универсального *сверхоткрытого* (но по-своему элитарного и даже иерархизированного) *общества*, в сетевых глубинах которого растворяется централизованная среда обитания, смешива-

ются актуальное и иллюзорное, рождая многомерное пространство полностью разделенных рисков.

На распахнувшихся просторах возникает эфирная конструкция Глобального Града как сферы взаимодействия сотрудников и членов международных правительственных и неправительственных организаций, элитных клубов, ТНК и ТНБ, криминальных консорциумов, разнообразных субкультур. Обитатели этого интернационального трансформера связаны подчас более крепкими узами, нежели с населением собственных стран. Бывший же Новый Свет, последний рубеж эпохи Модернити, превращается тем временем в своеобразный супертерминал - *portus* "истинного града" транснационального сообщества, не имеющего единого отечества и других земных горизонтов.

Социальное пространство постепенно размывается, становясь практически безбрежным, многовариантным, неопознанным. Его просторы таят деньги, власть, приключения, но пионеры виртуальной реальности также, как и в эпоху до географических открытий, лишены достоверных карт и надежных маршрутов. Иллюзии и вымыслы, мифы и тайное знание вновь сплетаются с обыденностью, все чаще проявляется мистификация новостей и анонимность их генезиса (случается, что сам факт события оказывается небесспорным). Совершенная коммуникация разносит по миру множасьщиеся аранжировки мелодии гамеленского крысолова, а городской ландшафт сворачивается тем временем в динамичный и многоликий интерьер, выводя пульсирующую жизнь с улиц в бескрайние тоннели электронных СМИ и Интернета.

В гипотетичном *Mire Pasnada* структура Мирского Града, пройдя последнюю стадию разложения былых мегаполисов и фрагментацию бидонвиллей и фавел, скрывается в психоделичном лабиринте мирового андеграунда, на пути возврата к некрополю, в дурную бесконечность немой ахронии. Смутно различимый и предчувствуемый в этом лабиринте Пандемониум - тоже своего рода город, имеющий, наверное, весьма причудливую архитектуру.

Дата публикации: 22 апреля 2002

Президенту самому не хватило амбициозности

Лекция по геоэкономике

Если поставить вопрос прямо: что же в современном мире больше влияет одно на другое - экономика на политику или политика на экономику, то ответ может показаться тривиальным. В мире происходит системная трансформация политических и экономических реалий в единое целое. Я определяю это "целое" понятием "геоэкономика". Геоэкономические отношения развиваются параллельно национально-государственным, но ими при этом не являются. Государство сохраняется, межправительственные отношения продолжают свое существование и даже развитие, но взаимосвязи геоэкономического толка, постепенно становятся все более значимыми. В результате на планете возникает новая система мироустройства, новая властная система координат.

Чтобы понять составляющие этой системы, зададимся сначала вопросом: а чем, собственно, является сегодня мировая - или, точнее, глобальная - экономика? Тезис о том, что XX век был периодом прогресса исключительно либеральной (рыночной) модели развития, не вполне соответствует реальному ходу событий. Век прошлый был также временем массивной компрометации экономического либерализма - на протяжении столетия ярко проявилась тенденция к установлению контроля над экономической деятельностью, стремление реализовать в этой сфере тот или иной грандиозный управленческий проект.

Методы при этом существенно рознились: от грубых форм администрирования (социализм, государственный корпоративизм) до гораздо более гибких, проявившихся в административных интенциях международных организаций и институтов развития, в системах финансового контроля над хозяйственной средой, в некоторых особенностях деятельности современных ТНК. В результате система экономических отношений, которая сложилась к настоящему времени, не является однородной и эгалитарной, она по своему иерархична и, строго говоря, не вполне либеральна, сословна.

Однако иерархичный характер глобальной экономики предполагает не иерархию государств, а иерархию стилей деятельности. Связанных, впрочем, по преимуществу с той или иной группой государств, с тем или иным географическим регионом.

Высший этаж занимает "штабная экономика" Нового Севера, экономика, регулирующая и регулируемая *per se*, которая организует вокруг себя "управляемый космос" окружающих ее хозяйственных стихий и социальных объектов. Примерами здесь могут являться такие глобальные технологии как, скажем, использование мировой резервной валюты (доллара) или управление глобальным долгом.

"Второй этаж" мировой геоэкономической конструкции занимает высокотехнологическое производство, которое также дает огромные доходы. Причем, преимущество сейчас, пожалуй, у технологий "мягких", даже не столько информационных, сколько финансово-правовых, но несомненна роль и традиционных высоких технологий в сфере промышленного производства. Характерно, что целый класс подобных технологий, в основном военных, выведен из-под режима открытой торговли и сферы компетенции ВТО.

"Третий этаж" отведен для традиционной промышленной экономики все более смещающейся в сторону Нового Востока, Тихоокеанского кольца, который превращается в мирового производителя товаров. При этом в отношении невысокотехнологичного промышленного производства постепенно начинают действовать практически те же "ножницы цен", что функционировали прежде лишь в отношении сырьевой экономики.

Наконец, в самом низу геоэкономической пирамиды оказываются субъекты, производящие сырьевые ресурсы, цены на которые (несмотря на экологический императив и угрозу их исчерпаемости) в последние годы, в целом, снижаются.

Если говорить о месте ВТО в этом контексте, то следует отдавать себе ясный отчет, что эта организация - действенный инструмент в руках сильных игроков. Первые два этажа геоэкономической иерархии практически выведены из непосредственной сферы деятельности этой организации. Участие в ВТО напоминает игру на хорошо темперированном clavире, конкуренция в оставшихся открытыми этажах определяется системой тщательно отработанных компромиссов и соглашений. Россия занимает в мировом экономическом процессе сейчас двусмысленное положение, с одной стороны, рискуя провалиться в экономическую автаркию, а с другой - позвать экономическую бурю, способную лишить ее последних признаков субъектности на глобальном шахматном поле.

В России построение эффективного промышленного или сельскохозяйственного цикла сопряжено с весьма серьезными проблемами, с географической (климатической) точки зрения они всегда были не слишком конкурентоспособными, требуя повышенных затрат. Не спасает положение и низкая заработная плата, поскольку наша рабочая сила требует повышенных усилий по ее жизнеобеспечению, дополнительных социальных расходов. Если включить сюда колоссальное электропотребление, особый характер основных фондов и инфраструктуры, то вхождение России в ВТО, конечно же, содержит в себе элементы национального риска. Это, впрочем, не означает, что выходом является автаркия. Тут требуется весьма нетривиальная и рафинированная геоэкономическая стратегия.

Очевидно, что геоэкономический мир сулит нам многочисленные сюрпризы. В новом универсуме явно иная система координат, иная градация врагов и союзников:

скажем, экономические отношения с Россией для Китая более чем скромная величина, особенно, если их сравнивать с обширными китайско-американскими торгово-экономическими связями. Китай связан с США крепкими узами, базирующимися на огромном положительном сальдо внешней торговли, исчисляемом десятками миллиардов долларов. Так что проведение Китаем тех или иных антиамериканских акций в настоящее время трудно себе представить, а вот, к примеру, принятие им запретительных квот, аналогично введенным США для нашей сталелитейной промышленности, России нечем было бы парировать.

Что же касается Европы, то нас с ней явно роднит взаимная геоэкономическая заинтересованность, комплементарность сложившихся систем, склонность к совместному экономическому проектированию. Но я при этом воздержался бы от противопоставления российско-европейских интересов всем прочим. Сейчас время установления новых правил стратегической игры на планете. Плюсы и минусы в одном регионе следует увязывать с интересами и перспективами в другом, при этом экономика все чаще оказывается сопряжена с политикой, что в свою очередь сближает менталитет современных планировщиков со стилем мышления опытных шахматистов. Нам просто необходимо создать помимо *Центра стратегических разработок* в области национальной экономической стратегии *Центр стратегического анализа и планирования*. Анализа мирового, геоэкономического контекста и планирования взаимосвязанной, целостной стратегии России в новом веке.

И в этом смысле я разочарован последним посланием Президента Федеральному Собранию. Это было послание "всенародно избранного завхоза", а не президента. В лучшем случае, оно звучало бы достойно из уст председателя правительства или министра экономразвития, но не из уст главы государства. В нем отсутствует сам дух стратегической инициативы, ощущение горизонта "национальной корпорации", а сценарий трансформации страны намеренно сужен и сведен к проблеме даже не экономического развития как такового, а экономического роста. Акцент же сделан на конкретных реалиях, на многочисленных частностях, что вообще-то говоря хорошо, но в данном случае - плохо. Избыток искусства тактического, умелого лавирования в сложных обстоятельствах, к сожалению, слишком часто ведет к тому, что утрачивается сам смысл процесса.

PART.ORG.UA - ПОЛИТИЧЕСКОЕ СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

Дата публикации: 6 мая 2002

Для Украины в еще большей степени, чем для России, ключевой вопрос – ее самоидентификация

Part.org.ua - Определяя то, чем сегодня является глобальная экономика, Вы говорите об иерархическом характере мировой экономики. То есть, Вы выделяете иерархию государств, или даже не государств, а стилей деятельности. Скажите, а что будет представлять глобальная экономика, скажем, через лет 20? Можно ли сегодня уже говорить об определенных вариантах ее развития?

- Тут сразу несколько вопросов. Начну с определения принципиальной позиции. Геоэкономика отражает органичное слияние политики и экономики в современном мире, что и определяет, в частности, императив и приоритет «штабной экономики». Которая выстраивает топологию всего геоэкономического универсума по вполне определенной модели.

Что же касается вариантов развития на ближайшие 20 лет, то на сегодняшний день прочерчиваются два сценария завершения геоэкономической реконструкции. Одна логическая траектория, чей дизайн достаточно внятен, – мирное окончание строительства каркаса Нового мира, или, проще говоря, универсальной эмиссионно-налоговой системы. Однако если каталогизация мира все-таки споткнется о ряд возникающих противоречий, то произойдет нечто иное: введение в качестве нормы нестационарной, динамичной системы управления социальными процессами (в русле типологии контролируемого хаоса) вместо статичных схем международных отношений.

Результатом становятся перманентный силовой контроль, появление новых форм конфликтов и путей их урегулирования, отчуждение прав владения от режима пользования, масштабное перераспределение объектов собственности, ресурсов и энергии – и еще, пожалуй, кардинальное изменение структуры цен, – в том числе, за счет целенаправленно взорванного мыльного пузыря финансов.

Part.org.ua - Какова, на Ваш взгляд, должна быть роль государства в экономике?

- Мне кажется, Ваш вопрос предполагает наличие в мире III миллениума контекста прежних времен. Специфику новой глобальной ситуации можно описать следующим образом: если до некоторого момента мировая экономика представляла сумму национальных хозяйств – самостоятельных субъектов, действовавших на пространствах планеты, – то теперь ситуация переворачивается. Появляется глобальный субъект, упомянутая выше «штабная экономика», уверенно действующая на национальных площад-

ках, превращая их в универсальный объект. В результате очерчивается контур третьей фазы капиталистической мир-экономики: *геоэкономической*, современниками которой мы и являемся. Государство же в этих условиях проявляет себя скорее как национальная корпорация элиты, нежели как институт.

Сейчас мы видим соприкосновение на планете двух вполне сопоставимых по своим возможностям кодов управления, их конкуренцию и симбиоз. Одна система, привычная и явная, связана с публичной политикой, национально-государственным устройством. Ее можно было бы назвать политической, но лучше, наверное, определить как власть государственную, суверенную и легитимную, ибо любые системы управления глобального масштаба, в конечном счете, политические. И второй тип мирового управления – находящаяся на подъеме, обезличенная транснациональная система, состоящая из международных организаций и транснациональных корпораций, которую по аналогии можно бы назвать экономической, но тут нужен какой-то семантический сдвиг, и мне привычнее понятие геоэкономическая, поскольку мы имеем дело именно с парагосударственной системой управления и властью организаций, а не просто с хозяйственной деятельностью.

Компромиссом между этими двумя системами является феномен страны-системы, наиболее ярким примером которой являются современные Соединенные Штаты – модель глобальной структуры Четвертого Рима.

Part.org.ua - *За какими экономическими объединениями будущее?*

- Если рассматривать этот вопрос в геоэкономической плоскости, то речь будет идти о перспективных социо-культурных корпорациях, находящихся наверху геоэкономической конструкции (*геокон*). Моделью архитектоники этой конструкции может служить известный многоярусный «китайский шар». Геокон последовательно соединяет сопряженные виды деятельности в единую сложноподчиненную конструкцию экономистичного универсума.

На нижнем, географически локализуемом уровне, это добыча природных ископаемых и их использование природозатратной экономикой; другой, более высокий локус – производство сырья интеллектуального и его освоение высокотехнологичным производством.

На транснациональном ярусе – производство финансовых ресурсов и применение технологий универсальной процентной дани в качестве механизма управления индустриальными объектами (в свою очередь плодящими потребность в данных ресурсах).

Но транснациональна также изнанка, «подполье» геоэкономической конструкции – сдерживаемый цивилизацией порыв к инволюционному, хищническому использованию ее потенциала с целью извлечения краткосрочной прибыли, а также контроль над различными видами асоциальной практики.

Наконец, на высшем этаже, это ткающаяся паутина «штабной экономики» – система глобального управления метаэкономикой, предчувствующая унификацию источника легальных платежных средств, тотальный контроль над их движением и появление единой, диверсифицированной системы налоговых платежей, способной превра-

тить со временем все земли геоэкономического универсума в плодородную ниву Нового мира – источник специфической квазиаренты.

Part.org.ua - *Если говорить о сегодняшней политике России, то преобладает две точки зрения: одна – это то, что Россия значительно активизировала, в первую очередь, свою внешнеэкономическую деятельность (в частности в отношениях с ВТО и ЕС) и что это правильное направление, другие – что, проводя такую политику во внешней экономике, Россия теряет свою субъектность. Скажите, а можно ли совмещать эти две вещи? Пытаться одновременно участвовать в процессах глобальной экономики и не терять свою субъектность (в случае России)?*

- Да, конечно, это вполне возможно: Пытаться одновременно участвовать в процессах глобальной экономики и не терять свою субъектность, но при одном императивном условии – если есть комплексная национальная стратегия. Потеря субъектности происходит из-за поглощения России не экономическими субстанциями, а энергиями иных стратегий, из-за включения ее действий в алгоритмы иных последовательностей, направленных на достижение чужих для нее целей. Субъектность есть зримое проявление наличия национальной корпорации, а не компрадорской элиты.

Part.org.ua - *Какова, на Ваш взгляд, реальная и возможная роль Украины в мировом геоэкономическом процессе?*

- Комплементарная. При этом страна должна верно определить свой базовый ресурс, системообразующий вид деятельности. Определить его, руководствуясь принципом единства политических и экономических функций.

Боюсь, что основная беда Украины, это ее существование в пространстве двух энергичных векторов, направленных в прямо противоположные стороны. В этот разрыв уходит бóльшая часть конструктивной энергии нации. Для Украины в еще большей степени, чем для России ключевой и, пожалуй, роковой вопрос – ее самоидентификация. Причем, это вопрос вполне «экономический», хотя в последние десятилетия роль «больших смыслов» в экономике, ее социокультурных императивов (верховных правителей), к сожалению, предан если не анафеме, то забвению.

Part.org.ua - *В Украине очень часто спекулируют на лозунгах, куда должна идти Украина: на Восток или Запад. Достаточно давно муссируется лозунг «В Европу вместе с Россией». Как на днях заявил Касьянов. Это все глупость, поскольку Россия не собирается ни в ЕС, ни в НАТО. Каково Ваше отношение к совместному пути Украины и России в Европу?*

- Я, в сущности, ответил на этот вопрос выше. Украине необходимо определиться сначала с собой, а потом – с другими. Иначе ничего путного все равно не получится. Возникнет тактическая суэта, которая поглотит любые позитивные достижения, а негативные – гипертрофирует. Для Украины проблема выстраивания «национальной корпорации» острее, чем для большинства постсоветских государств.

Беседовала Олеся Яхно

Проект "Президентская повестка дня"

6 марта 2000 г.

Круглый стол

(извлечение)

Участники: *Александр Анисимов, Сергей Градировский, Татьяна Гурова, Александр Неклесса, Ефим Островский, Яков Панне, Алексей Тупицын, Валерий Фадеев, Петр Щедровицкий*

А.И. Неклесса - В чем-то я оппонент Якова Шаевича, а чем-то союзник. Мне понравилось одно выражение (в ранее розданных материалах) «дерзновенная точность». Здесь присутствует, с одной стороны, призыв к вполне определенной реалистичности в построениях, а, с другой, - все-таки речь идет о необходимости дерзать.

На протяжении последних лет много, быть может, слишком много говорилось об экономике, но в ряде случаев на деле имелась в виду конъюнктурная прагматика. Поэтому если все-таки говорить о том существенном, что происходит сегодня в преддверии нового президентства, так это наметившийся разговор о более крупных смыслах бытия и более конкретных алгоритмах действий и целеполагания России. Появляется ощущение, быть может преждевременное, некоего «семантического водораздела». Приход нового президента есть акт символический, т.е. новая повестка страны и новый президент - это два по-своему равнозначных события и два параллельных процесса.

Мы подошли к определенному, знаковому рубежу. Смена предмета и качества размышлений на этом рубеже, должна была бы стать переходом к разговору о стратегических смыслах. И тут мне хотелось бы ввести в обсуждение несколько тезисов.

Первое. Необходимость формирования и развития культуры стратегирования в стране, выстраивания комплексного рынка стратегических услуг. Простите, но сейчас понятие стратегии у нас носит несколько несерьезный характер. Однако, не исключено, в России наконец-то появился запрос на стратегическую культуру. Возможно, это связано с алармистскими веяниями, призраком некоей катастрофы, к которой приближаются страна и мир, либо, напротив, с неким "окном возможностей". Важно, что в кратко и среднесрочной перспективе нам предстоит достаточно серьезные подвижки и изменения. Я беру 2003 год в качестве символической реперной точки. Если это, действительно, так, то из данной посылки проистекает вероятность нарастающего и комплексного запроса на стратегические услуги со стороны самых разных государственных и корпоративных организаций.

У России должно, в конце концов, появиться свое, причем глубокое, реалистичное видение глобальной перспективы и, одновременно, произойти осознание, легитимация этого видения, признание права России на него, как во внешнем мире, так и внутри страны. Этого до сих пор сделано не было. Предшествующая политика была преимущественно рефлекторной, и данное обстоятельство, по крайней мере, частично объясняет тот колоссальный объем ошибок, которые были совершены, ибо любое действие, совершенное вне стратегии имеет слишком мало шансов на долгосрочный и устойчивый успех.

Стратегическая перспектива России должна включать в себя также определенное мировидение и, простите, определенное мироощущение, содержать оценку конкурентоспособности новой экономики и выражать определенную, обоснованную претензию на присутствие России в пространствах нового мира.

Ну а в чем все-таки житейские, прагматичные преимущества стратегии, над любой "политикой", тем более, краткосрочной? **Стратегия накидывает на краткосрочные интересы узду.** Она не просто строит некоторое абстрактное перспективное пространство, она стягивает социальный и экономический рубец, раковую опухоль - бессистемно рвущееся на волю сырое мясо.

Второе. Мне кажется, что в концепции Русского мира заложен иной, более перспективный формат социополитических и экономических дискуссий о будущем России. До сих пор основной корпус подобных дискуссий ограничивается рассуждениями о российской экономике как об экономике, непосредственно и жестко связанной с национальной территорией. (Когда я читаю многочисленные современные тексты на данную тему, то отчетливо это вижу.) И только появляется - чаще в молчаливой практике, нежели в общественном сознании - иная точка отсчета, новый кругозор, который остро нуждается в собственной конструктивной образности, ищет ее для рационализации и воплощения подобных схем. Русский мир в данном контексте - вполне рациональная претензия *на более широкие рамки российского дискурса.*

Но одновременно с этим возникает проблема определения и глобальной рамки происходящих на планете изменений, ибо очевидно, что процесс трансформации присущ не только России, но всему современному миру. Появляются новые политико-экономические ландшафты и их, несовпадающие между собой карты. Карты, которые связаны с изменениями (а) принципов международных взаимоотношений; (б) статуса и характера субъектов этих взаимоотношений; (в) с новым пониманием границ. Границы действующих на глобальной площадке субъектов стали более динамичными, полифоничными, появились квазиграницы, метограницы, парограницы - условные. реальные, формальные, мнимые, какие угодно. Карта Нового мира, хотя в перспективе и тяготеет к некому устойчивому балансу интересов, но, скорее всего, на протяжении ближайших времен она будет принципиально динамичной. Границы же российской социополитической и экономической системы сейчас очерчивают с той или иной степенью определенности три достаточно различных пространства: Россия-РФ, постсоветское пространство СНГ и, наконец, транснациональный Русский мир...

В сегодняшнем разговоре хотелось бы также отметить несколько особенностей современной российской экономики. В этой связи я выделяю четыре позиции.

Первая из них. Это то, что я назвал "проблемой 2003 года", включающей в себя исчерпание потенциала инерционной, сырьевой и экспортноориентированной экономической модели. У нее нет реальной *стратегической* перспективы. Обратите внимание, любой дом строится, все-таки, не с фундамента, а с крыши - прежде создается план, а уже затем завозятся кирпичи. Этот рубец, лежащий перед нами в начале следующего века не случаен, но вполне закономерен. Например, проблема основных фондов. Обратим, наконец, внимание на их нарастающий, чудовищный износ (включая усталость человеческого капитала). Другое измерение данной проблемы - финансы, динамика и траектория движения которых прямо связаны с решением проблемы основ-

ных фондов. И как раз в тот момент, когда проблема основных фондов становится критически важной, может случиться крупномасштабный финансовый кризис. Когда, скажем, смотришь на графики Андрея Белоусова, то достаточно очевидно как эти тренды сходятся в одной точке.

Вторая позиция. География монотонности "большой экономики" России, ее выраженной экстенсивности, по гамбургскому счету, расширяется. Это своего рода рубцовая ткань, которая заполняет хозяйственные и правовые разрывы на экономическом теле России, затрудняя выстраивание сложных международных композиций.

Третья позиция - точки роста. В современной экономике появляются какие-то удивительные ростки, «выюнки», которые сейчас пронизывают мировую экономику. В основном это связано с новой экономикой, развившейся в 90-е годы в США, но, как ни странно, также и с Россией. Их фундаментальная основа - оказание дорогих, высокопрофессиональных, уникальных услуг. Оказание подобных услуг обитателями Русского мира происходит, в том числе в транснациональных пространствах, и там (и порой даже чаще) находит своего потребителя. Но, что любопытно - формат этого качественно нового сектора совсем не просто оценить в экономических категориях, пользуясь традиционной шкалой. Услуги данного сектора оплачиваются подчас не прямым, а косвенным образом, прямо же они не всегда оцениваются адекватно (точнее не оцениваются в их истинном объеме, поскольку не оплачивается конвенциональным образом). Внешний мир услуги этого сектора оплачивает достаточно изощренным образом, а в России это *немой сектор стратегических услуг*. Он прямо не оплачивается, а потому не имеет стандартной экономической цены, и соразмерно не учитывается при оценке ВВП. И иное положение вещей никому, по большому счету, в России не выгодно...

Почему, однако, говоря о высококвалифицированных услугах, я обошел молчанием столь популярный в данном контексте сектор ВПК? Ответ достаточно прост. Жизнь показывает, что мышки оказываются более перспективными, чем динозавры. Поэтому, когда в рассуждении о точках роста, на первое место я ставлю рынок высокопрофессиональных услуг, затем – информационно-коммуникационный сектор, фармакологию, креативность как таковую и т.п. И лишь потом имеет смысл вести совсем непростой разговор о весьма проблемном секторе ВПК.

Последняя, четвертая, позиция – та самая дерзновенная перспектива, увязанная с прагматикой и реализмом, упомянутая мною в начале выступления. Нам, возможно, предстоит перепрыгнуть через широкую пропасть, а перепрыгивают через такие препятствия, вопреки распространенному мнению, как раз в два шага. Для тех, кто с этой технологией не знаком, поясню: берет человек в руки тяжелый камень, разбегается, прыгает, летит, и на исчерпании импульса движения отбрасывает камень в пропасть, получая тем самым возможность «второго шага», своеобразное реактивное ускорение.

Как все это переварить и совместить? Для этого, на мой взгляд, на первом этапе необходимо найти оптимальную российскую формулу совмещения сырьевой и инновационной экономик. Продавать энергоносители это одно, а вот продавать высокоинтеллектуальный продукт исходя из собственных человеческих и энергоресурсов - другое. Подобная перспектива может быть реализована и на основе малых групп, и на базе трансрегиональных корпораций, которые исполняют функцию объединения пространств России. Но тема эта неисчерпаема, и я волевым образом ставлю здесь точку.

СОКРАЩЕННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПУБЛИКАЦИЙ А.И. НЕКЛЕССЫ

Отдельные работы: монографии, сборники статей, брошюры (автор; отв. редактор):

1. Господин воздуха / Научный Совет РАН «История мировой культуры» / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.4. – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.
2. Управляемый хаос / Научный Совет РАН «История мировой культуры» / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.3. – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.
3. Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2.– М.: Восточная литература, 2002.
4. Стратегическая матрица / Научный Совет РАН «История мировой культуры» / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.2. – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.
5. Трансграничье, его ландшафты и обитатели / Научный Совет РАН «История мировой культуры» / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.1. – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.
6. Неопознанная культура / Рабочие материалы расширенного заседания Научного Совета по проблеме мировой культуры при Президиуме РАН с участием теоретических семинаров научных организаций г. Москвы. – М.: Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры, 2001.
7. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.1. – СПб.: Алетейя, 2000.
(Рец.: Т.Е. Савицкая. Глобализация-2 (Заметки на полях монографии) // Полис. Политические исследования. – М., 2001, №5).
8. Конец эпохи Большого Модерна / Международная научная конференция «Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия» (Москва, 21-23 октября 1999). – М.: Институт экономических стратегий, 1999.
9. Ответ России на вызов времени: стратегия технологической конверсии. – М.: Институт Африки РАН, 1997.
10. Перспективы глобального развития и место Африки в Новом мире (социально-экономический аспект). – М.: Институт Африки РАН, 1995.
11. Пентамино: Россия и новый метарегиональный контекст. Приложение. Схемы. – М.: Синергетическая лаборатория НПО СИНЛА, 1994.
12. Российско-африканские экономические связи в глобальном контексте: проблемы и тенденции. – М.: Институт Африки РАН, 1993.

Главы в монографиях и статьи в сборниках:

13. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Российские стратегические исследования / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Логос, 2002.
14. Введение. Реквием XX веку // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
15. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
16. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
17. Глобальный Град: творение и разрушение // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
18. ЭКОЛАР: комплементарная стратегия развития для Африки и мира // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
19. Геоэкономическая система мироустройства // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.

20. Российский проект в системе мировых координат // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
21. Управляемый хаос: новый цивилизационный контекст // Связь времен (Сборник памяти Н.Н. Моисеева), т.3. / Отв. ред. В.А. Зятицкий. – М., 2002.
22. Ordo Quadro – четвертый порядок: пришествя постсучасного світу // Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика. Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів / Укладачі І.Ф. Кононов (науковий редактор), Бородачов В.П., Топольськов Д.М. – Луганськ: Альма матер-Знання, 2002.
23. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития / Отв. ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев / Центр исследований постиндустриального общества. – М.: Экономика, 2001.
24. Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков / Рос. Акад. Наук, Институт мировой экономики и международных отношений. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
25. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Проблемы глобализации: реальность, тенденции, прогнозы. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир» / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2001.
26. Система геоэкономического мироустройства как глобальный проект // Экономическая теория на пороге XXI века –5: Неоэкономика / Отв. ред. Ю.М. Осипов, В.Г. Белолипецкий, Е.С. Зотова. – М.: Юристъ, 2001.
27. Раздел I. Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000.
28. Раздел II. Краткие тезисы к научному форуму «Глобальное сообщество: новая система координат» // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000.
29. Раздел III. Эпилог истории // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000.
30. Финансовый мир: реальные следствия виртуальных стратегий // Теоретическая экономия: реальность, виртуальность и мифотворчество / Отв. ред. Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова. – М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, ТЕИС, 2000.
31. Рах Есопомісана // Экономическая теория на пороге XXI века – 3: Экономическая цивилизация и научная экономия / Отв. ред. Ю.М. Осипов. – М.: Юристъ, 2000.
32. Север и Юг в преддверии новой эры (Обзор работы XII секции) // Африка на пороге третьего тысячелетия / VIII конференция африканистов, Москва 28-30 сентября 1999 г. Итоговые материалы. – М.: Институт Африки РАН, 2000.
33. Глава 4. Россия в системе геоэкономических координат XXI века // Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. колл. Д.С. Львов. – М.: Экономика, 1999.
34. Конец цивилизации, или зигзаг истории // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия /Сборник 1. Общие проблемы постиндустриальной эпохи / Серия «Научные доклады», №91. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1999.
35. Эпилог истории, или модернизация versus ориентализация // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 2. Глобализация и Периферия / Серия «Научные доклады», №92. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1999.
36. «Российский проект» в системе мировых координат XXI века // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 3. Особый случай России / Серия «Научные доклады», №93. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1999.
37. Современные процессы глобальной трансформации мирового хозяйства и место Африки в Новом мире // Африка в меняющемся мире (глобальные и региональные аспекты экономических проблем). – М.: Институт Африки РАН, 1995.
38. Состояние и перспективы развития российско-африканских отношений в глобальном контексте // Состояние и перспективы российско-африканских отношений в свете глобальных тенденций развития мирового хозяйства. – М.: Институт Африки РАН, 1994.

Статті в журналах, альманахах, продовжаючихся изданиях:

39. Инновация и революция // Дружба народов. – М., 2003, №4.

40. Трансграничье, его ландшафты и обитатели. Из беседы на берегу Телецкого озера // Москва. – М., 2003, №2.
41. Трансграничье, его ландшафты и обитатели // Архэ. Культуротехнический альманах. – М.; Томск: Дельтаплан, 2003, Вып.4: Гуманитарная Россия, координаты становления.
42. Глобальная трансформация и российский узел // Россия XXI. – М., 2003, №1..
43. Глобальные вершины, локальные ущелья // Москва. – М., 2003, №1.
44. Глобальный Град: творение и разрушение. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2003, №1
45. Внешняя политика в новом мире // Pro et contra. – М.: Фонд Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment for International Peace), 2002, т.7, №4..
46. Меморандум «Северо-Запад». Миссия региональной корпорации // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2002, №6.
47. Глобализация, геоэкономика и сетевая культура // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002..
48. Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2002 №9.
49. Трансмутация истории. 11 сентября 2001 года в исторической перспективе и ретроспективе // Новый мир. – М.: Новый мир, 2002, №9.
50. Фабрики мысли спасли Америку. Станет ли Россия пространством *новых* возможностей? // Со-Общение. – М., 2002, №9.
51. Мир после 11 сентября: развитие стратегической инициативы// Бюллетень Института Африки Российской Академии Наук. – М.: Институт Африки РАН, 2002, №9. – С.1-4 (0,4 а.л.).
52. The World after September 11th: Development of Strategic Initiative // IAS Newsletter. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 2002, №9.
53. Феномен 11 сентября и движение к нестационарной системе мировых связей // Россия XXI. – М., 2002, №4.
54. Момент истины. Заметки на полях постсовременной истории // Дружба народов. – М., 2002, №4.
55. Мир после 11 сентября: логика глобальной трансформации // Москва. – М., 2002, №3.
56. Интеллект, элита и управление // Россия XXI. – М., 2002, №1.
57. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002, №1.
58. Наука и высшее образование в постсовременную эпоху // Высшее образование сегодня. – М., 2002, №1.
59. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2002, №1.
60. Проект «Глобализация»: Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Глобальные и стратегические исследования. Вып.1 / Центр глобальных и стратегических исследований / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Институт Африки РАН, 2002.
61. Мир после 11 сентября // Безопасность Евразии. – М., 2001, №4.
62. Порог Нового мира // Москва. – М., 2001, №10.
63. Центральная Азия – опасный регион. Что надо сделать, чтобы он не стал очень опасным? // Азия и Африка сегодня. – М.: Наука, 2001, №6.
64. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2001, №5.
65. Вступление в постсовременный мир III тысячелетия. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2001, №4.
66. A la carte // Полис. Политические исследования. – М., 2001, №3.
67. Трансмутация истории // Вопросы философии. – М.: Наука, 2001, №3.
68. Глобальный Город: творение и разрушение // Новый мир. – М.: Новый мир, 2001, №3.
69. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Безопасность Евразии. – М., 2001, №1.
70. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии – моделирование безопасности // Безопасность Евразии. – М., 2001, №1.
71. Российский проект в системе мировых координат XXI века // Проблемы развития. – М.: Национальный институт развития ОЭ РАН. – М., 2001, №1.
72. Финансовый мир // Мост. – СПб.: ЗАО «ОВИЗО», 2000, №40.
73. Ordo Quadro: четвертый порядок. Пришествие постсовременного мира // Полис. Политические исследования. – М., 2000, №6.

74. Трансмутация истории и ментальность человека (вступление в постсовременный мир III тысячелетия) // Мир психологии. Научно-методический журнал. – М.-Воронеж: Российская академия образования. Московский психолого-социальный институт, 2000, №4.
75. Осмысление Нового мира // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2000, №4.
76. Реквием XX веку // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2000, №1,2.
77. Fin de Millennium, или Реквием XX веку // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2000, №1.
78. Проект «Глобализация»: Глобальные стратегии в преддверии новой эры // Безопасность Евразии. – М., 2000, №1.
79. Реквием XX веку // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2000, №1-2.
80. Конец эпохи Большого Модерна // Знамя. – М., 2000, №1.
81. Pax Economіcana // Мост. – СПб.: ЗАО «ОВИЗО», 1999, №11.
82. Пакс Экономікана, или Эпилог истории // Новый мир. – М.: Новый мир, 1999, №9.
83. Творческий континент Россия // Москва. – М., 1999, №8.
84. Мир на краю истории, или Глобализация-2 // Москва. – М., 1999, №4.
85. Конец цивилизации, или Конфликт истории // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1999, №3, 5.
86. Российский проект // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999, №4.
87. Финансовый мир: реальные следствия виртуальных стратегий // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999, №2.
88. Проект «Глобализация»: Глобальные стратегии в преддверии новой эры // НАВИГУТ. Научный альманах высоких гуманитарных технологий. Вып.1 / Приложение к журналу «Безопасность Евразии». – М., 1999.
89. Pax Economіcana: геэкономическая система мироустройства // Экономическая наука современной России. – М.: Отделение экономики РАН, 1999, №1.
90. Пакс Экономікана: новое геэкономическое мироустройство // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 1999, №1.
91. Pax Economіcana // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999, №1.
92. Новый мировой порядок и Африка // Африка. Суждения и факты / Справочно-библиографическая серия. Том.1. – М.: Институт Африки РАН, 1998.
93. «Российский проект» // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1998, №6.
94. Эпилог истории // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1998, №5.
95. The End of Civilization or the Clash of History // IAS Newsletter. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 1998, №3.
96. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Бюллетень Института Африки Российской Академии Наук. – М.: Институт Африки РАН, 1998, №3.
97. «Российский проект» в системе мировых координат XXI век // Проблемы развития. – М.: Национальный институт развития ОЭ РАН, 1998.
98. Конец цивилизации или Зигзаг истории // Знамя. – М., 1998, №1.
99. Геэкономическая безопасность России в современном мире // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №10-11.
100. Генезис и практика программ структурной перестройки // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №7.
101. Африканская перестройка // Азия и Африка сегодня. – М.: Наука, 1997, №6.
102. Геэкономические горизонты России // Российское аналитическое обозрение. – М.: Россия 2010, 1997, №5.
103. Гипер-Север: стратегия научно-технологической конверсии // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №3.
104. Постсовременный мир в новой системе координат // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1997, №2.
105. Геометрия экономики // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1996, №10.
106. Россия на пороге нового мира // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1996, №2.

107. Долги – для развития? // Африканский рынок. – М.: Институт Африки РАН, Ассоциация делового и культурного сотрудничества со странами Африки, 1996, №2.
108. Россия в новой системе координат: цивилизационных, геоэкономических, геополитических // Научный альманах «Цивилизации и культуры» / Вып.3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. – М.: Институт востоковедения РАН, 1996.
109. Африка в новом мире // Африка. Суждения и факты. Вып.8. – М.: Институт Африки РАН, 1996.
110. Африка: структурная «адаптация» экономики // Африка. Суждения и факты. Вып.7. – М.: Институт Африки РАН, 1995.
111. Россия и Африка: перспективы экономического сотрудничества // Африка. Суждения и факты. Вып.6. – М.: Институт Африки РАН, 1995.
112. Крах истории или контуры Нового мира? // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1995, №12.
113. Контуры Нового мира и Россия // Знамя. – М., 1995, №11.
114. Проблема глобального развития и место Африки в Новом мире // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1995, №8.
115. «ЭКОЛАР» – комплементарная стратегия развития для Африки и мира // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1995, №5.
116. «Третий Рим» или «Третий мир»: глобальные сдвиги и национальная стратегия России // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1995, №1.

Доклады и выступления:

117. Глобальная трансформация и российский узел. Социальные конструкции постиндустриальной эры // Международная научная конференция «Форум будущего» / «Административные системы управления будущим», Санкт-Петербург, 25-26 сентября 2002 г. – СПб, 2003.
118. Инновация и революция / Материалы экспертного семинара и проектной игры «Проектирование национальной инновационной системы» г. Санкт-Петербург 22-24 июня 2002 г. – СПб.: Школа инновационных менеджеров, 2002.
119. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Клуб ученых «Глобальный мир». Доклады 2000-2001 гг. / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2002.
120. Мировой Север и мировой Юг: новый цивилизационный контекст // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). – М., 2002.
121. Квази-Север и Глубокий Юг: глобализация и сетевая культура // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). – М., 2002.
122. Выступление в дискуссии // Четвертая мировая война: за и против. Заседание клуба «Стратегическая матрица» 14 ноября 2001 года. Деловой центр ТПП. – М.: Институт экономических стратегий, 2002.
123. Постсовременная цивилизация // Прикладные аспекты глобализации. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Специальный выпуск. (Материалы научно-практического семинара «Прикладные аспекты глобализации». 20-21 сентября 2001 г.) – М.: Издательский дом «Новый век», 2001.
124. Современная мир-экономика: актуальная геоэкономическая конфигурация // Конец эпохи «мира-экономики», глобализация и естественная социальная эволюция. / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2001.
125. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Культура в эпоху цивилизационного слома / Материалы Международной конференции. 12-14 марта 2001 / Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры. – М., 2001.
126. Конец эпохи Большого Модерна // Миропорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. Материалы конференции. Москва, 1-2 ноября 1999 г. / Гл. ред. А.Н. Кулик / Межрегиональное общественное объединение участников научных, культурных и образовательных программ сотрудничества с США «Профессионалы за сотрудничество». – М.: Добросвет, 2000.
127. Россия в мировой экономике XXI века (Российский проект) // Приоритеты и механизмы экономической политики России в кризисный период / Научно-практическая конференция Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / Секция «Россия в мировой экономике XXI века». – М., 1999.

128. На пороге XXI века, как и две тысячи лет назад, человечество оказалось в ситуации нарастающей культурной растерянности / II. Глобализация в контексте этики // Этнос глобального мира / Отв. ред. В.И. Толстых / Горбачев-фонд. – М.: Восточная литература РАН, 1999.
129. Выступление в дискуссии // Россия в глобальной экономике: проблема самоопределения (круглый стол) / Исследовательский проект «Загадка Евразии: Россия в формирующейся глобальной системе». – М.: Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд), 1999.
130. Выступление в дискуссии / Актуальные вопросы глобализации (круглый стол «МЭ и МО») // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1999, №4.
131. The End of Civilization or the Clash of History // Africa beyond 2000. Symposium on the Development Perspective of Africa Towards the 21st Century. – Beijing: Institute of West Asian and African Studies Chinese Academy of Social Studies, 1999.
132. Выступление в дискуссии / VIII. Многополярный мир и региональные сверхдержавы II. Стенограмма совещания, проведенного в аппарате Совета обороны РФ. Москва, 13 июня 1997 г. // Национальная безопасность: в поисках приоритетов. Материалы совещаний аналитической группы при Совете Обороны Российской Федерации / Серия «Научные доклады», №62. – М.: Московский общественный научный фонд, 1998.
133. Выступление в дискуссии / IX. Россия в XXI веке. Стратегия развития. Стенограмма совещания, проведенного в аппарате Совета обороны РФ по проблемам концептуальных основ военной доктрины. Москва, 11 декабря 1997 г. // Национальная безопасность: в поисках приоритетов. Материалы совещаний аналитической группы при Совете Обороны Российской Федерации / Серия «Научные доклады», №62. – М.: Московский общественный научный фонд, 1998.
134. «Российский проект» вхождения в глобальный мир – возможен // Россия в глобальном мире. Материалы совместного заседания клуба «Свободное слово» и Горбачев-Фонда, состоявшегося 19 сентября 1997 г. – М.: Апрель-85, 1997.
135. Выступление в дискуссии / Глобализация и демократизация (круглый стол). // Глобализация и демократизация. Стенограмма круглого стола, состоявшегося в Горбачев-фонде 1 июля 1997 года / Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд). – М., 1997.
136. Выступление в дискуссии / Экономические реформы в Африке (круглый стол) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1997, №6.
137. Геоэкономическая система координат и проблема развития // Новая роль России в мире и Африке (материалы международной конференции «Россия и новое международное партнерство для Африки» апрель 1994 г.). – М.: Институт Африки РАН, 1995.

Интервью:

138. Стратегическая симфония // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2003, №2.
139. <Итоги года> // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2002, №6.
140. Первая война XXI века // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2001, №5-6.
141. Проблема XXI века // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2001, №34.
142. Новая картография мира // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2001, №1.
143. <Что бы Вы посоветовали Президенту России...> // Москва. – М., 2001, №1.
144. Чай, кофе и судьбы цивилизации // Российская федерация сегодня. – М., 1999, №18.
145. «Российский проект» дает второе дыхание стране // Российский кто есть кто. – М., 1998, №3.
146. Мир Модерна, мир Нового времени подходит к своему логическому концу // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №5.
147. Мир постмодерна, мир игры ломает горизонт истории // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №8-9.
148. На краю Ойкумены // Панинтер. – М., 1997, №3.
149. На краю Ойкумены-2 // Панинтер. – М., 1997 №4.
150. Мы стоим на пороге новых образов Политики, Экономики, Культуры // Деловой мир. – М., 27.8.1996.
151. Мы должны быть реалистами и стратегами. И уметь выбирать потери // Деловой мир. – М., 18.5.1996.